

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Оригинальное исследование

О периодизации Юстиниановой чумы

Зибаев А.В.¹ , Жуков О.Р.² , Белоус П.В.¹

¹ Сургутский государственный университет,

Россия, 628400, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8;

² Частный медицинский университет «Реавиз» (Саратовский филиал),

Россия, 410003, г. Саратов, Верхний рынок, к. 10

E-mail: zibaew@mail.ru, olegzhukov1990@mail.ru, thinkertgs@gmail.com

Аннотация. В статье дается первая в отечественной историографии попытка периодизации Юстиниановой чумы. За основу взята концепция исследователей Г. Хезера и М.В. Супотницкого о 7–20 летних циклах пандемии, основанная на кратком рассказе Евагрия Схоластика из IV книги «Церковной истории». В результате предложено разделение пандемии на 11 циклов, охватывающих временные рамки с 541 по 750 гг. Каждый новый цикл пандемии во взаимосвязи с другими потрясениями того времени создает общую картину хаоса и разрушения в эпоху «Темных веков». Разделение «классической Юстиниановой чумы» и периода «долгой чумы» представляется важным нарративом в истории византийской литературы.

Ключевые слова: Юстинианова чума, периодизация, пандемия, Евагрий Схоластик, циклы пандемии

Для цитирования: Зибаев А.В., Жуков О.Р., Белоус П.В. 2025. О периодизации Юстиниановой чумы. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 58–68. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On Periodization of the Justinian Plague

Anton V. Zibaev¹ , Oleg R. Zhukov² , Pavel V. Belous¹

¹ Surgut State University,

8 Energetikov St., Surgut 628400, Russia;

² Private Medical University "REAVIZ" (Saratov branch),

10 Verkhnij rynek, Saratov 410003, Russia

E-mail: zibaew@mail.ru, olegzhukov1990@mail.ru, thinkertgs@gmail.com

Abstract. The article presents the first attempt in the Russian historiography to periodize the Justinian plague. It is based on the concept of researchers G. Hezer and M. V. Supotnitsky about the 7–20-year cycles of the pandemic, based on a short story by Evagrius Scholastic from Book IV of the Church History. As a result, it is proposed to divide the pandemic into 11 cycles, which cover the time frame from 541 to 750. Additionally, the “Justinian plague” narrative seems to be very important for the history of the Byzantine literature. Each new cycle of the pandemic, in conjunction with other shocks of that time, creates a general picture of chaos and destruction in the era of the “Dark Ages”. The separation of the “classical Justinian plague” and the “long plague” period seems to be an important narrative in the history of Byzantine literature. Along with the widespread use of the chronicle genre, colossal shifts in the worldview of intellectuals of that era are obvious, where the plague is God’s indulgence for the mortal sins of contemporaries.

Keywords: Justinian's plague, periodization, pandemic, Evagrius Scholastic, pandemic cycles

For citation: Zibaev A.V., Zhukov O.R., Belous P.V. 2025. On Periodization of the Justinian Plague. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 58–68 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Одной из самых обсуждаемых тем в современной исторической науке традиционно остается Юстинианова чума (542–750 гг.), которая вместе с позднеантичным малым ледниковым периодом (536–660 гг.) навсегда изменила облик Восточной Римской империи. Серьезное изучение первой пандемии насчитывает уже более 50 лет. На сегодняшний день написано много работ, затрагивающих её наиболее значимые итоги: чудовищные демографические потери населения Средиземноморья, разрушение веками устоявшихся торговых связей, уменьшение численности населения византийских городов, упадок сельского хозяйства и др. Учитывая всё это, многие исследователи не отрицают значительного влияния чумы на ослабление Ранней Византии и начавшиеся процессы литургизации (духовной трансформации) позднеантичного общества после пережитой катастрофы.

В результате стремительного развития естественнонаучных дисциплин в историографии было пересмотрено пренебрежительное отношение к Юстиниановой чуме как к важному историческому событию VI–VIII вв. Однако вместе с указанными позитивными изменениями начиная с 90-х гг. XX в. постоянно увеличивается число противников разрушительных последствий пандемии для Средиземноморья, опирающихся в последние годы на неоднозначные выводы американского исследователя Л. Мордехая [Mordechai, 2019. P. 3–50]. Проведя комплексный анализ практически всех сохранившихся источников с широким привлечением методов негуманитарных наук, он сформулировал идеи, послужившие основной доказательной базой для критики, казалось бы, уже устоявшегося мнения о пагубности чумы. Но идеи Л. Мордехая пока не получили широкого распространения среди историков.

Все больше вопросов вызывает проблема периодизации Юстиниановой чумы из-за ее недостаточной изученности и противоречивого состояния многих письменных источников. В исследовании кипрского византиниста Д.Х. Статакопулоса «Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics» пандемия представлена в виде нескольких десятков последовательно сменяющих друг друга вспышек эпидемий моровых болезней, опустошавших Раннюю Византию и соседние государства [Stathakopoulos, 2016, 177–386] (переиздание в 2004 г.). Несомненным плюсом работы стало изучение чумы в прямой взаимосвязи с голодными десятилетиями в Средиземноморье, зачастую сдержанно упомянутыми современниками и повлиявшими на ухудшение здоровья у большей части населения. Несмотря на создание Д.Х. Статакопулосом цельной картины череды бесконечных катастроф, исследователем не был учтён ряд важных моментов: влияние похолодания климата на распространение чумы, полный терминологический разбор наименований болезни в сочинениях авторов того времени [Stathakopoulos, 1998, 2–7], общее противоречивое состояние письменных и эпиграфических источников.

В этой связи изучение периодизации эпидемии вызывает новые споры и позволяет иначе взглянуть на решенные проблемы.

Объект и методы исследования

В статье представлена периодизация Юстиниановой чумы, основанная на анализе трудов греческих, латинских и сирийских авторов VI–VIII вв. Для изучения этой темы и

решения упомянутых выше задач применяются традиционные для современной византистики и медиевистики методы анализа письменных источников, а также общенаучные и специальные методы исторических исследований. Терминологический и лексический анализ используются для разбора таких ключевых для исследования понятий: λοῖμός, λοῖμώδες πάθος, βουβών, inguinalis plaga, inguinarius morbus, mortalitas magna, clades glandolaria, pestis inguinaris, pestilentia, mawtānā, kūrhanā, shabtā.

Результаты и обсуждение

Основные проблемы

Прежде чем приступить к теме статьи, необходимо учесть несколько проблем, без которых невозможно изучение периодизации и хронологии первой пандемии чумы.

I. Определение Юстиниановой чумы

Название пандемии имеет достаточно условный характер и связано с именем императора Юстиниана I, при котором болезнь пришла из Африки в Средиземноморье. В современной историографии понятие «Юстинианова чума» употребляется для обозначения первой пандемии чумы и обычно охватывает длительный период в 541–750 гг., часто включает в себя не только чуму при Юстиниане I, но и сменяющие друг друга каждые 15–20 лет эпидемии, серьезно замедлявшие рост населения в Раннем Средневековье [Russel, 1987, 43–44; Toohey, 2016, 401–412; Harper, 2017, 272–275]. Благодаря этому практически все повоальные заболевания этого времени подходят под это понятие.

II. Вопросы терминологии

Значительные затруднения в работе исследователей создает собирательность понятия «чума», из-за чего в текстах письменных и эпиграфических источников не всегда можно получить представление, о какой именно болезни в них идет речь [Супотницкий, Супотницкая, 2006, с. 4]. Терминологический разбор описаний чумы в греческих источниках позволяет выделить несколько слов и словосочетаний, которые употреблялись не только в древности, но и в средневековой Византии, в т. ч. для обозначения «Черной смерти» [Зибаев, 2022, 189–206]. К их числу относятся: 1. ὁ λοῖμός – чума, бедствие, мор, болезнь, паразит (иногда) (Procopius. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23; Agathias Schol. Hist. Prelog.; V. 10; Malala. Chron. 487–489; Evagrius. Hist. ecc. IV. 29; Theophylactus Simocatta. Hist. V. 10. 13–15), значение термина см: [Sophocles, 1914, 720; Frisk, 1960, 134–135; Liddel, Scott, 1996, 1060]. 2. τό λοῖμώδες πάθος – чумное несчастье (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29). 3. ὁ βουβών – опухоль в паху, пах (изначально) (Malala. Chronog. XVIII. P. 481–482, 489), значение термина см: [Liddel, Scott, 1996, 323; Дворецкий, 1958, 302].

В отличие от греческих авторов, латинские используют значительно больше терминов для обозначения чумы. К ним относятся: 1. Inguinalis plaga – паховая рана (An. Caes. a. 542; Iohan. Bictar. Chron. a. 573), значение термина plāga см: [Дворецкий, 1976, 774]; inguen в: [Дворецкий, 1976, 526; Vaan M. de., 2008, 389]. 2. Inguinarius [morbus] – паховая болезнь / бедствие (Vic. Tunn. a. 542; Gregor. Tur. Hist. Franc. IV. 5; X. 1), значение термина morbus см: [Дворецкий, 1976, 648; Vaan M. de., 2008, 303–304]. 3. Mortalitas magna – великая / большая смерть. (Marc. Com. a. 543), значение термина mortalitas см: [Дворецкий, 1976, 649]. 4. Clades glandolaria – поражение желез (Fredeg. Chron. a. 599); 5. Pestis inguinaris / pestilentia – паховая чума / эпидемия чумы (Paul. Diac. Hist. Langobard. II. 4), значение термина pestilentia см: [Дворецкий, 1976, 761; Vaan M. de., 2008, 463].

В сирийских письменных источниках для обозначения чумы использовались несколько слов и словосочетаний [Morony, 2007, 59–86]: mawtānā – эпидемия, смертность (словарная форма), mawtānā rabbā – смертельная язва (Anecdota Syr. II. 304), kūrhanā –

болезнь (словарная форма), shabtā – бедствие (словарная форма), mawtānā h^cwa rabbā – великая язва / чума (Ioan. Ephes. 639), mawtānā qadmayā – великая смерть (Chron. misc. CSCO 3, p. 143), wabā – чума (Hist. Nestor. 182–83 [90–91]), shabtā d^e mawtāna – смертельное бедствие (Mich. Syr. Chron. II. 240, IV. 307), mawtānā^cazzīzā – эпидемия чумы / моровая язва (Zachar. Hist. ecc. II. 174) и mawtānā d^e shar^cūtā – бубонная чума (Hist. Nestor. 185 [93]).

Мы смогли подтвердить, что в Ранней Византии не было специальных терминов, относящихся исключительно к чуме. Если у древних греческих авторов, начиная с архаического периода, термин λοιμός употреблялся для обозначения любых повальных болезней и продолжает применяться для обозначения чумы в современной греческой медицинской литературе, то у латинских авторов понятия pestis inguinalis и pestilentia окончательно станут названиями чумы только в VIII в. У сирийцев слово mawtā ляжет в основу большинства наименований этой болезни вплоть до окончательного вытеснения классического сирийского языка арабским из культурной среды Сирии.

III. Общее состояние нарративной традиции

Внезапное появление чумы в Египте подробно описано только у Прокопия Кесарийского (Procopius. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) и Иоанна Эфесского (Ioan. Ephes. 639). При этом тезис об огромных демографических потерях населения империи в значительной степени основан на рассказах этих двух авторов. Все отрывки с упоминаниями чумы из «Истории войн» и монофизитской «Церковной истории» рассматривались исследователями как в контексте произведений, в которых они упоминались, так и в рамках греческой и сирийской культурной среды [Biraben, Le Goff, 1975, 48–80].

С нач. VII в. общее количество свидетельств об эпидемиях в различных областях Средиземноморья продолжает постепенно сокращаться, пока после 750 г. они не исчезают полностью. В связи с этим вызывает сомнение категорическая позиция Л. Мордехая о незначительных последствиях дальнейших повторений чумы по сравнению с эпидемией 542 г. [Mordechai, 2018]. По мнению исследователя, из множества греческих и латинских авторов, живших в VI–VIII вв., только 20 % упоминают один из симптомов болезни, остальные же лишь подчеркивают высокую смертность от неких повальных болезней. Диагноз чумы далеко не однозначен, так как половина источников описывает неопределенную смертность от разных болезней [Stathakopoulos, 2016, 177–386]. На наш взгляд, объяснение этому противоречию в нарративных источниках и терминологии находится в изменении отношения современников к чуме как к неизбежному страшному явлению своего времени наряду с войнами, внутренней нестабильностью и массовой смертностью населения [Зибаев, Жукова, 2022, 158–186].

Периодизация Юстиниановой чумы

Представленные выше проблемы необходимо учитывать при определении периодизации Юстиниановой чумы. По нашему мнению, в рамках первой пандемии необходимо выделить собственно *классическую «Юстинианову чуму»* – длительную эпидемию, затронувшую Средиземноморье с прилегающими областями в правления Юстиниана I Великого, Юстина II, Тиберия II, Маврикия и подробно изложенную в греческой нарративной традиции; и *«долгую чуму»* – прочие эпидемии, свирепствовавшие в цивилизованном мире до 750 г. Большинство современных исследователей не приводят никакой периодизации эпидемии, поэтому в нашем исследовании мы берем за основу схему, которая была принята Г. Хезером [Haeser, 1882, 37–54] и изменена М.В. Супотницким [Супотницкий, Супотницкая, 2006, с. 48–51]. Согласно ей, нижние хронологические рамки собственно классической «Юстиниановой чумы» ограничиваются 541 г., верхние – 590 г. Затем выделяются три последовательно сменяющие друг друга цикла эпидемии: 541–556 гг., 558–565 гг., 570–590 гг. Несмотря на все ее достоинства, схема не была продлена авторами на последующие вспышки чумы VI–VIII вв. Продолжительность каждого цикла пандемии

определяется от 7 до 15–20 лет, при этом наиболее уязвимым местом в цивилизованном мире был г. Константинополь из-за своего расположения на пересечении важнейших торговых путей. Принципы периодизации Юстиниановой чумы, предложенные упомянутыми исследователями, во многом основаны на рассказе о четырех эпидемиях в «Церковной истории» Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29), который создал свой труд спустя почти 50 лет после ее внезапного появления (590 г.) в г. Пелузии, где описывается возвращение чумы через каждые 15 лет.

Но начиная с VII в. возвращение чумы в греческой и латинской историографии начинает упоминаться эпизодически с практически полным отсутствием описаний симптомов болезни и резким изменением стиля повествования в источниках. Можно согласиться со справедливыми замечаниями М. Мейера и М. Келлера [Keller, Paulus, Hopf, 2021, 385–401], что во время катастрофических событий VI–VIII вв. практически все авторы видели в чуме Божью кару за греховную и развратную жизнь современников. Арабские завоевания привели к утрате огромных территорий на Ближнем Востоке и в Северной Африке с их важнейшими для античной цивилизации культурными центрами: Александрией, Антиохией, Кесарией Палестинской, Газой, Карфагеном и др. [Meier, 2004, 283, 310; Meier, 2020, 172–199]. Переживаемую уже несколькими поколениями страшную катастрофу уже нельзя было интерпретировать обычными приемами античной историографии, поэтому мирские люди и светские историки стали прибегать к объяснительным моделям церковной историографии, более присущим хроникам и «Церковным историям» эпохи раннего христианства. Краткие свидетельства авторов VII–VIII вв. об эпидемиях своего времени все же позволяют осторожно продолжить схему Г. Хезера и М. Супотницкого еще на два столетия, вплоть до 750 г. Этому способствуют как широкие территориальные рамки распространения болезни от бывших римских провинций на западе Средиземноморья до Танского Китая на Дальнем Востоке, так и многочисленность самих свидетельств о чуме. На наш взгляд, первая пандемия включает в себя следующие периоды:

I. 541–556 гг. В это время чума появилась в Египте (541 г., г. Пелузий) и за короткое время распространилась по всему Средиземноморью, уменьшив население побережья на 30–50 % [Wójcik, 2011, 377–401]. Во внутренних районах она затронула практически все территории, когда-либо входившие в состав Римской империи, за исключением Британии и Ирландии, куда болезнь придет в 544–549 гг. [Sticker, 1908–1910, 24–35; MacArthur, 1948–1949, 169–188; Dooley, 2007, 215–230]. Подробный разбор свидетельств греческих и латинских авторов позволяет прийти к выводу, что чума этого времени отличалась повышенной смертоносностью (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; Agath. Schol. Hist. Prelog. V. 10; Malala. Chron. P. 487–489; Marcell. Com. a. 543; Vict. Tunn. a. 542; Chron. Caesar. a. 542).

II. 557–565/569 гг. Из источников становится известно (Agath. Schol. Hist. V. 10; Malala. Chron. XVIII. P. 481–490), что в эти хронологические рамки сильнее всего пострадали Константинополь и Италия, причем последняя была опустошена настолько сильно, что, судя по всему, погибла значительная часть личного состава гарнизонов, которые охраняли альпийскую границу [Alfani, 2013, 408–412]. Этим стечением обстоятельств незамедлительно воспользовались лангобарды, начавшие вторжение в Цезальпийскую Галлию в 568 г. Павел Диакон, один из выдающихся авторов VIII в., признавал, что чума оказала положительное влияние на начальный этап переселения людей короля Альбоина, причем германцы столкнулись с серьезным сопротивлением римлян только в Тицине. Глазам варваров предстала ужасная картина: опустевшие деревня, брошенные поля и множество непогребенных мертвецов (Paul. Diac. Hist. langobard. II. 4).

III. 570–591 гг. Третий цикл пандемии, как и первый, охватил почти все бывшие провинции Римской империи. Античные авторы сообщали, что чума не уходила, пока не забирала до половины населения городов и деревень (Evagr. Hist. ecc. IV. 29). Последние её очаги упомянуты Григорием Турским (Gregor. Tur. Hist. Franc. IV. 5; X. 1) и Павлом Диаконем (Paul. Diac. Hist. langobard. II. 4) в 589–591 гг. Особенно сильно пострадали в это

время г. Массилия и г. Рим. По словам М.В. Супотницкого, злокачественность чумы в третий цикл эпидемии значительно снизилась, и в бассейне Средиземного моря умирало все меньше людей [Супотницкий, 2006, с. 50].

IV. 591–608 гг. В отличие от предыдущего периода о четвертом цикле пандемии сохранились обрывочные сведения. По подсчетам исследователей, начиная с этого времени злокачественность чумы заметно уменьшилась и от нее умирало уже около 10 % населения при каждой вспышке заболевания. В это время заметно сократилось население отдельных районов Италии, Балканского полуострова, Египта, Африканского экзархата, Сирии и Финикии. В Италии сильнее всего пострадали Равеннский экзархат (Agnel. Lib. pontif. 101) с его крупнейшими центрами Равенной и Римом и несколько пограничных городов в Лангобардском королевстве (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 14; Gregor. Magn. Regist. Epist. IX. 232, X. 20). Об эпидемиях во Фракии (597 г.) и Македонии (598 г.) сообщают Феофилакт Симокагта (Theof. Sim. Hist. VII. 15.2) и хартофилак Иоанн Ставракий в «Чудесах св. Димитрия Солунского» (Mirac. S. Demetrii I. 57–82). При этом на Балканском полуострове сильнее всего была затронута Македония, что позволило славянам свободно заселить весь регион. На это же время приходится начало процесса смены греческих названий на славянские (Баришић Фр., 1953, с. 143–145; Димитров, 2005, с. 21–23; Кузмановска, 2013, с. 244–256; Ковачева, 2018, 491–497).

Григорий Великий описывает эпидемию чумы (600 г.) в первом письме к патрицию Венанцию и его жене Италике (Gregor. Magn. Regist. Epist. IX. 232). Во втором письме к Доминику, епископу Карфагенскому, он упоминает о том же самом как о моровой язве, заполонившей Африканский экзархат, добавляя, что Италия также не была свободна от этого недуга (X. 20. 814–15, 850–51). В «Хронике» Михаила Сирийца (XII в.) кратко рассказывается об эпидемиях в г. Константинополе, Малой Азии, Сирии и Финикии (597–604 гг.) (Mich. Syr. Chron. II. 373–374).

V. 609–626 гг. В этот период существуют лишь несколько записей о чуме в Средиземноморье: в Риме, Александрии и Константинополе. Катастрофические события, связанные с войной с Сасанидским Ираном (602–628 гг.), успехами лангобардов в Италии, расселением славян на Балканах и внутривосточной нестабильностью в Византии отвлекли внимание современников от эпидемий. В Liber Pontificalis – сборнике деяний римских пап – кратко описываются бедствия, обрушившиеся на Равеннский экзархат при понтификате Бонифация IV, где чуме и голоду отводится важнейшая роль в успехах лангобардов на приграничных землях (Lib. Pontif. LXVIII, I. 317). На наш взгляд, очевидной причиной начавшегося голода стал пик похолодания климата, начавшегося после климатической катастрофы 535–536 гг. Произошло резкое снижение урожайности зерновых культур и плодовых деревьев в Средиземноморье, при этом особенно сильно пострадала в это время Северная Африка, снизившая поставки зерна в Италию [Büntgen, Myglan, 2016; Hartman, Kurbatov, 2018; McCormick, 2019, 3–30]. Здесь важен и политический фактор. Персы временно завоевали Египет в 616 г. и лишили г. Константинополь продовольствия. После восстания знатной семьи Ираклиев в г. Карфагене и свержения узурпатора Флавия Фоки в 610 г. новый император перенаправил поставки большей части зерна в столицу, осложнив тем самым положение г. Рима.

На это же время приходится вспышка чумы в г. Константинополе, которая описывается в более поздних источниках VIII в.: «Бревиарии» патриарха Никифора, «Хронике» Георгия Монаха и «Чудесах св. Артемия» (Mirac. S. Demetrii I. 57–82; Nikeph. Breviar. 8, 12; Georg. Mon. Chron. 669; 34). В каждом из них даны свои описания хода эпидемии. Главной же причиной бедствия авторы видят смертные грехи современников и последствия невероятной жестокости тирана Фоки, поправшего своими деяниями Божьи законы. Особенное внимание здесь уделяется убийству законного императора Флавия Маврикия Тиберия и его семьи, что обрушило гнев Божий на всю империю. Эпидемии в

Александрии и Египте в 609–619 гг. описывает только Леонтий в «Жизни Иоанна Милостивого» (Leont. 95).

VI. 626–647 гг. В эти хронологические рамки практически отсутствуют сведения об эпидемиях на территории Византии. Возвращение чумы в бывшие византийские провинции, завоеванные арабами, кратко описывали только Михаил Сириец (Mich. Syr. Chron. II. 412, 431, 445–449) и Агапий Манбиджский (Agap. PO 8, 469), жившие в X в. По их словам, болезни погубили множество жителей Ирака, Сирии, Палестины и Египта. В ряде источников говорится о первой вспышке чумы в Иране на 6 год Хиджры (23 мая 627 г. – 10 мая 628 г.). Арабы называли эту болезнь «чумой Шируйе» в честь персидского шахиншаха Кавада II Шируйе, умершего от чумы в 629 г.

VII. 648–668 гг. Седьмой цикл пандемии представлен двумя эпидемиями в Риме и Ираке, упоминаемыми арабскими хронистами и Бедой Достопочтенным (Beda. III. 29, IV. 1). Беда описывает возвращение чумы в г. Рим в 664 г. По его словам, Вигхард, избранный архиепископ Кентерберийский, был отправлен в Рим для посвящения в сан; однако вместо этого и он, и его спутники умерли от эпидемии, которая в то время свирепствовала в городе. Арабские авторы упоминают эпидемию чумы в г. Куфа, которая свирепствовала в городе около восьми месяцев, примерно с февраля по сентябрь 670 г.

VIII. 670–690 гг. Из письменных источников становится понятно, что в указанное время чума появилась на арабском Ближнем Востоке (Египет, Ирак, Палестина), в Риме и королевстве Лангобардов. При этом сильнее всех пострадала Сирия, потерявшая до 20 % населения в 683–687 гг. (Theoph. Chron. 361; Agap., in PO 8, 497). Наиболее жуткие описания эпидемии в Сирии оставил Иоанн бар Петкайя. Чума в г. Риме связана с понтификатами Донуса 676–680 гг. (Lib. Pontif. LXXX, I. 348; Paul. Diac., Hist. Langob, V. 31) и Агафона в 680 г. (Lib. Pontif. LXXXI, I. 350; Paul. Hist. Langob, VI. 5). По сообщению источников, в это время погибает до половины всего населения города. Многие горожане бегут в горы, а городские улицы зарастают травой.

IX. 698–718 гг. В это время произошли вспышки чумы в Сирии, на о. Крит и в г. Константинополе. Об эпидемии в столице (698 г.) сообщают Феофан и патриарх Никифор, которые связывали ее возникновение с работами в гавани Неорион императором Леонтием (Theoph. Chron. 370; Nikeph. Brev. 41). Византийские авторы сообщали о пассивном распространении эпидемии водным путём.

В это время сильно пострадала Сирия. Феофан описывает вспышку тяжелой эпидемии без какой-либо дополнительной информации о ее географическом охвате или последствиях (Theoph. Chron. 371). Сообщение Ильи аналогично, за исключением того, что эпидемия указана как «бубонная» (Elīyā bar Shin. Chron. a. 80). В «Хронике Зукнина» говорится о вспышке мора, который убил так много людей, что живых не хватало, чтобы похоронить мертвых (Chron. Zuqn. a. 1016). Михаил Сириец пишет, что мор унес жизни трети всех ныне живущих людей (Mich. Syr. Chron. II. 480). Об эпидемии, засухе и недостатке продовольствия (711 г.) на о. Крит сообщает автор «Жития Андрея Критского» (9. 177–8).

X. 725–745 гг. Десятый цикл пандемии затронул Сирию, Месопотамию, Палестину, Италию, Грецию и г. Константинополь. При этом большая часть источников об этом написана на сирийском и арабском языках (Agap., in PO 8, 506; Elīyā bar Shin. Chron. 107). Из греческих авторов о чуме писали патриарх Никифор (Nikeph. Brev. 66), Феодор Студит (Theod. Stud. Laud. Plat., in PG 99, 805 B-D) и Феофан (Theoph. Chron. 404).

XI. 748–750 гг. На это время приходятся последние упоминания чумы в Раннем Средневековье. В 748 г. началась последняя крупная эпидемия в г. Константинополе, где, по сообщениям Феофана, Феодора Студита и патриарха Никифора, умерло много людей. Все источники настроены враждебно по отношению к императору Константину V, при котором произошла чума, и поэтому приписывают вспышку эпидемии лично ему и его иконоборческой политике.

Заклучение

На основании представленного выше материала можно сделать вывод о периодизации Юстиниановой чумы. На наш взгляд, продление схемы М.В. Супотницкого и Г. Хезера на VII–VIII вв. позволяет лучше увидеть вспышки болезни с исследовательской точки зрения, поскольку каждый новый цикл пандемии в прямой взаимосвязи с другими потрясениями того времени создает общую картину хаоса и разрушения в эпоху «Темных веков». Разделение «классической Юстиниановой чумы» и периода «долгой чумы» отражает и важный рубеж в истории византийской литературы. Наряду с широким распространением жанра хроник очевидны колоссальные сдвиги в мировоззрении интеллектуалов той эпохи, где чума является пощущением Божиим за смертные грехи современников.

Список литературы

- Дворецкий И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. Москва, государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1043 с.
- Дворецкий И.Х. 1976. Латинско-русский словарь. Москва, Русский язык, 1096 с.
- Зибаев А.В. 2022. От *λοϊός* (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) к *pestis inguinalis* (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 4): восприятие «Юстиниановой чумы» греческими и латинскими авторами VI–VIII вв. В: Мнемон. *Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 22. № 1–2: 189–206.
- Зибаев А.В., Жукова В.Ф. 2022. Формы чумы у Прокопия Кесарийского (Procop. De Bellis. IV. 14) и Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. есс. IV. 29): О развитии теоретической медицины в Восточной Римской империи VI в. В: Нуротека. Журнал по истории античной педагогической культуры. Вып. 6. Медицинское образование в Античности: 158–186.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. 2006. Очерки истории чумы. Кн. 1. Чума добактериологического периода. Москва, Вузовская книга, 468 с.
- Баришић Фр. 1953. Чуда Димитрија Солунског као историјски извори. Београд, 157 с.
- Димитров Д.Й. 2005. Тъмните векове на Византия: (културно-исторически очерци). Велико Търново, Издателство «Фабер», 256 с.
- Ковачева Л. Куга у Антици и Византији и њена перцепција у македонским народним предвњима. 2018. В: Ниш и Византија. 36. XVII: 491–497.
- Кузмановска Ј.А. 2013. Позноантичка топонимија Македоније и Тесалије у Прокопијеву делу De aedificiis. Београд, докторска дисертација, 280 с.
- Alfani G. 2013. Plague in Seventeenth-Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. In: European Review of Economic History. Vol. 17(4): 408–412.
- Biraben J.N., Le Goff J. 1975. The Plague in the Early Middle Ages. In: Biology of Man in History. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 48–80.
- Büntgen U., Myglan V.S., Ljungqvist F.Ch., McCormick M., Cosmo N.D., Sig M.J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., Vaan M.A.C. de, Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A.V. 2016. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. In: Nature Geoscience. (<http://dx.doi.org/10.1038/ngeo2652>).
- Dooley A. 2007. The Plague and Its Consequences in Ireland In: Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750. Cambridge, Cambridge University Press: 215–230.
- Frisk H. 1960: Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II: K–Ω. Heidelberg, Universitätsverlag, 1154 s.
- Haeser H. 1882. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der Volkskrankheiten. Bd. III. Jena, Verlag von Gustav Fischer, 996 s.
- Haldon J., Elton H., Huebner S. R., Izdebski A., Mordechai L., Newfield T. P. 2018. Plagues, Climate Change, and the End of an Empire: A Response to Kyle Harper's The Fate of Rome. In: History Compass. Vol. 1–3 (e12507. <https://doi.org/10.1111/hic3.12507>)
- Harper K. 2017: The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire. Princeton, Princeton University Press, 440 p.
- Hartman L., Kurbatov A.V. 2018: SI Data on Colle Gnifetti Tephra from AD 536 Volcanic Event. In: Antiquity. Cambridge, (<https://doi.org/10.7910/DVN/WJVK3>).

- Keller M., Paulus Ch., Xoplaki E. 2021. Die Justinianische Pest. Grenzen und Chancen naturwissenschaftlicher Ansätze für ein integratives Geschichtsverständnis. In: Evangelische Theologie. Vol. 81. Iss. 5: 385–401.
- Liddel G.H., Scott R. 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford, Oxford University Press, 2438 p.
- MacArthur W.P. 1948–1949. The Identification of Some Pestilences Recorded in the Irish Annals. In: Irish Historical Studies. Vol. 6: 169–188.
- McCormick M. 2019. Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience. In: Journal of Interdisciplinary History № 50. Iss. 1: 3–30.
- Meier M. 2004. Prokop, Agathias, die Pest und das Ende der antiken Historiographie. In: Historische Zeitschrift. Bd. 278. H. 1: 281–310.
- Meier M. 2020. “The ‘Justinianic Plague’: An “Inconsequential Pandemic”?” A Reply”. In: Medizinhistorisches Journal. Bd. 55/2: 172–199.
- Mordechai L., Eisenberg M. 2019. Rejecting Catastrophe: The Case of the Justinianic Plague. In: Past & Present, Vol. 244. Iss. 1: 3–50.
- Morony M.G. 2007: For Whom Does the Writer Write? The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources. In: Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750. Cambridge, Cambridge University Press, 59–86.
- Russel J.C. 1987. Medieval Demography: Essays, Ams Studies in the Middle Ages. New York, Ams Pr. Inc., 325 p.
- Sophocles E.A. 1914. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100). Cambridge, Cambridge University Press, 1188 p.
- Stathakopoulos D.Ch. 1998. Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen. In: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 48: 2–7.
- Stathakopoulos D.Ch. 2016. Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics. London; New York, Routledge, 432 p.
- Sticker G. 1908–1910. Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre. Bd. 2. Teil 1. Die Pest: Die Pest als Seuche und als Plage. Gießen, Toepelmann, 1068 s.
- Toohey M. 2016: Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages. In: Climatic Change, 136: 401–412.
- Vaan M. de. 2008. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, Brill, 825 s.
- Wójcik M. 2011. Plaga Justyniana: Cesarstwo wobec epidemii. W: Zeszyty Prawnicze. R. 11. Z. 1: 377–401.

References

- Dvoreckij I.H. 1958. Drevnegrechesko-russkiy slovar [Greek-Russian Dictionary]. T. I. Moscow, «Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykhslovaey», 1043 p.
- Dvoreckij I.H. 1976. Latinsko-russkiy slovar' [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk, 1096 p.
- Zibaev A.V. 2022. От λοιμός (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) k pestis inguinaria (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 4): vospriyatie «Justinianovoj chumy» grecheskimi i latinskimi avtorami VI–VIII vv. [From λοιμός (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) to pestis inguinaria (Paul. Diac. Hist. Langobard. IV. 4): perception of "Justinian's plague" by Greek and Latin authors of VI–VIII centuries] V: *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira*. Vyp. 22. № 1–2: 189–206.
- Zibaev A.V., Zhukova V.F. 2022. Formy chumy u Prokopija Kesarijskogo (Procop. De Bellis. IV. 14) i Evagrija Sholastika (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29): O razvitii teoreticheskij mediciny v Vostochnoj Rimskoj imperii VI v. [Forms of Plague in Procopius of Caesarea (Procop. De bellis. IV. 14) and Evagrius Scholasticus (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29): On the Development of Clinical Medicine in the Eastern Roman Empire in the Fourth Century] V: *Hypotekai. Zhurnal po istorii antichnoj pedagogicheskoy kul'tury*. Vyp. 6. Medicinskoe obrazovanie v Antichnosti: 158–186.
- Supotnickij M.V., Supotnickaja N.S. 2006. Oчерki istorii chumy [Essays on the History of the Plague. Vol. I. Plague of the Pre-Bacteriological Period]. Kn. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda. Moskow, Vuzovskaja kniga, 468 s.
- Баришић Фр. 1953. Чуда Димитрија Солунског као историјски извори. Београд, 157 с.
- Димитров Д.Ї. 2005. Тъмните векове на Византия: (културно-исторически очерци). Велико Търново, Издателство «Фабер», 256 с.

- Ковачева Л. Куга у Антици и Византији и њена перцепција у македонским народним предвњима. 2018. В: Ниш и Византија. Зб. XVII: 491–497.
- Кузмановска Ј.А. 2013. Позноантичка топонимија Македоније и Тесалије у Прокопијеву делу *De aedificiis*. Београд, докторска дисертација, 280 с.
- Alfani G. 2013. Plague in Seventeenth-Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. In: *European Review of Economic History*. Vol. 17(4): 408–412.
- Biraben J.N., Le Goff J. 1975. The Plague in the Early Middle Ages. In: *Biology of Man in History*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 48–80.
- Büntgen U., Myglan V.S., Ljungqvist F.Ch., McCormick M., Cosmo N.D., Sig M.J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., Vaan M.A.C. de, Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A.V. 2016. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. In: *Nature Geoscience*. (<http://dx.doi.org/10.1038/ngeo2652>).
- Dooley A. 2007. The Plague and Its Consequences in Ireland In: *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge, Cambridge University Press: 215–230.
- Frisk H. 1960. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. II: К–Ω. Heidelberg, Universitätsverlag, 1154 s.
- Haeser H. 1882. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der Volkskrankheiten*. Bd. III. Jena, Verlag von Gustav Fischer, 996 s.
- Haldon J., Elton H., Huebner S. R., Izdebski A., Mordechai L., Newfield T. P. 2018. Plagues, Climate Change, and the End of an Empire: A Response to Kyle Harper's *The Fate of Rome*. In: *History Compass*. Vol. 1–3 (e12507. <https://doi.org/10.1111/hic3.12507>)
- Harper K. 2017: *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, Princeton University Press, 440 p.
- Hartman L., Kurbatov A.V. 2018: SI Data on Colle Gnifetti Tephra from AD 536 Volcanic Event. In: *Antiquity*. Cambridge, (<https://doi.org/10.7910/DVN/WJVK3>).
- Keller M., Paulus Ch., Xoplaki E. 2021. Die Justinianische Pest. Grenzen und Chancen naturwissenschaftlicher Ansätze für ein integratives Geschichtsverständnis. In: *Evangelische Theologie*. Vol. 81. Iss. 5: 385–401.
- Liddel G.H., Scott R. 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Oxford University Press, 2438 p.
- MacArthur W.P. 1948–1949. The Identification of Some Pestilences Recorded in the Irish Annals. In: *Irish Historical Studies*. Vol. 6: 169–188.
- McCormick M. 2019. Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience. In: *Journal of Interdisciplinary History* № 50. Iss. 1: 3–30.
- Meier M. 2004. Prokop, Agathias, die Pest und das Ende' der antiken Historiographie. In: *Historische Zeitschrift*. Bd. 278. H. 1: 281–310.
- Meier M. 2020. "The 'Justinianic Plague': An "Inconsequential Pandemic"? A Reply". In: *Medizinhistorisches Journal*. Bd. 55/2: 172–199.
- Mordechai L., Eisenberg M. 2019. Rejecting Catastrophe: The Case of the Justinianic Plague. In: *Past & Present*, Vol. 244. Iss. 1: 3–50.
- Morony M.G. 2007: For Whom Does the Writer Write? The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources. In: *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge, Cambridge University Press, 59–86.
- Russel J.C. 1987. *Medieval Demography: Essays*, *Ams Studies in the Middle Ages*. New York, Ams Pr. Inc., 325 p.
- Sophocles E.A. 1914. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100)*. Cambridge, Cambridge University Press, 1188 p.
- Stathakopoulos D.Ch. 1998. Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen. In: *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 48: 2–7.
- Stathakopoulos D.Ch. 2016. *Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics*. London; New York, Routledge, 432 p.
- Sticker G. 1908–1910. *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre*. Bd. 2. Teil 1. Die Pest: Die Pest als Seuche und als Plage. Gießen, Toepelmann, 1068 s.
- Toohey M. 2016: Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages. In: *Climatic Change*, 136: 401–412.

- Vaan M. de. 2008. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, Brill, 825 s.
- Wójcik M. 2011. Plaga Justyniana: Cesarstwo wobec epidemii. W: Zeszyty Prawnicze. R. 11. Z. 1: 377–401.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.03.2025

Received 04.03.2025

Поступила после рецензирования 15.03.2025

Revised 15.03.2025

Принята к публикации 17.03.2025

Accepted 17.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зибаев Антон Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

 [ORCID: 0009-0000-9810-493X](https://orcid.org/0009-0000-9810-493X)

Anton V. Zibaev, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Institute of Humanitarian Education and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia

Жуков Олег Русланович, кандидат филологических наук, преподаватель, Частный медицинский университет «РЕАВИЗ», г. Саратов, Россия

 [ORCID: 0009-0008-7527-8003](https://orcid.org/0009-0008-7527-8003)

Oleg R. Zhukov, Candidate of Sciences in Philology, Lecturer, Private Medical University "REAVIZ", Saratov, Russia

Белоус Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0744-8759](https://orcid.org/0000-0003-0744-8759)

Pavel V. Belous, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Institute of Humanitarian Education and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia